

"Возможно, у джедаев, выросших с иным мировоззрением, есть другие способы признавать свои чувства и справляться с ними", - тон целителя скрывал, что он ни капли в это не верит, но Энакин оценил, что тот пытается взглянуть на ситуацию объективно. "Но если и так, я не уверен, что подобный метод сработает с вами, поскольку у вас, как вы сказали, изначально иной склад ума".

Энакину захотелось пнуть себя за этот промах. Ну и ладно. Он не мог взять свои слова обратно.

"Учитывая это, давайте вернемся к моему первоначальному вопросу: Как вы относитесь к своей матери? Пожалуйста, будьте настолько точны, насколько это возможно. Не обязательно быть предельно конкретным, просто скажите мне честно".

Он не был уверен, что понял вопрос. "Все, что она делала, было для меня. Как я должен к ней относиться?"

Гирт улыбнулся и, казалось, расслабился. Очевидно, он ожидал, что Энакин скажет что-то подобное.

"Это ты должен выразить сам. Я знаю, это кажется сложным, но ты должен признать, что чувствуешь к ней. Для начала используй простые, общие термины, а дальше мы сможем двигаться дальше".

Он все еще не был уверен, что понял смысл сказанного другим существом, но до конца сеанса оставалось еще несколько минут, и Гирт ждал, что он что-то скажет. Он вернулся мыслями к матери, представляя ее загорелое лицо, на котором только-только начали проступать возрастные морщины, несмотря на суровые условия планеты, на которой она жила.

"Она потрясающая", - наконец сказал он. Более простого и честного слова и придумать нельзя.

Рот Гирта дернулся в драллском эквиваленте знающей улыбки.

"Да, но что ты чувствуешь к ней? Что ты к ней чувствуешь?"

Внезапно до него дошло, к чему дралл пытается подтолкнуть Энакина. Часть его души не хотела говорить об этом по многим причинам (признание вслух было бы огромным ударом по его гордости, это противоречило бы всему, чему его учили в Храме, это было бы признанием в страсти, которую он все еще хранил в себе, и т. д.), но часть его замирала от предвкушения.

"Ты прав, - наконец сказал он, обращаясь к предыдущему замечанию Гирта. "Я люблю ее. Очень сильно. Она была для меня всем - всем моим миром. Я скучаю по ней... и всегда буду скучать".

Улыбка на лице целителя разума выражала неподдельную гордость, которую Энакин очень

редко видел у кого-либо (за исключением матери) в своей жизни.

"Молодец, Энакин. Ты сделал очень большой шаг вперед. Не думаю, что ты понимаешь, насколько большой. А теперь расскажи мне, что ты думаешь о том, что тебе пришлось оставить ее, когда ты пришел в Храм".

Энакин был уверен, что второе повторение любого действия должно быть легче первого. Он проанализировал и выразил свои чувства к матери (и это было удивительно трудно произнести вслух), и у него получилось. Однако попытка описать свои чувства, связанные с отъездом с Татуина, не казалась менее трудной.

"Он понял, насколько по-детски это прозвучало, и удивился, почему ему вдруг удастся напустить на себя серьезный вид. К тому же он сказал это совершенно искренне... так значит, это и есть фасад? Он нахмурился, не зная, как поступить.

"Понятно", - сказал Гирт со знающим кивком. "Но, думаю, ты можешь быть более конкретным".

Энакин не хотел говорить, что был напуган до смерти, но тем не менее эта мысль пришла ему в голову. Он понимал, что в какой-то момент ему придется признать это, но не был уверен, что сможет в данный момент, поэтому он больше сосредоточился на своей матери и Татуине в целом.

"Я ненавижу жить на Татуине", - наконец сказал он. "Там жарко, сурово и никому нельзя доверять. Каждый сам за себя, и немногие, кто в это не верит, выживают", - с горечью сказал он. Затем черты его лица смягчились. "Вот почему мама была такой удивительной. Она так отличалась от всех остальных. И она никогда не менялась, что бы ни случилось". Она была мягкостью, которая притупляла острые углы жизни на Татуине; освежающим вкусом воды на сухой, пустынной планете - и не только в физическом смысле.

"Я ненавижу оставлять ее позади так же сильно, как и мысль о том, чтобы остаться. И я ненавижу мысль о том, что она все еще там".

Ему не нравилось произносить слово "ненависть", поскольку оно ассоциировалось у него с ситхами, но Гирт попросил его быть максимально честным, и даже он знал, что солгал бы, если бы использовал более слабое слово. Его угнетало то, что он был склонен к Темной стороне даже в столь юном возрасте и продолжает испытывать эти чувства сейчас. И все же, даже сказав это, он почувствовал себя легче. Это было странно, и он не мог сдержать удивленного замешательства от непривычного ощущения.

"Очень хорошо, Энакин. Ты справляешься лучше, чем я ожидал. Однако давайте сосредоточимся на более позитивных чувствах. Признание негативного очень важно, но сосредоточение на хорошем поможет не меньше, если не больше".

"Мне любопытно, что ты почувствовала, когда узнала, что больше не рабыня?"

Он не смог удержаться от насмешки. "Я был освобожден".

Дралл приподнял одну из своих мохнатых бровей, усы подергивались от удовольствия.
"Чувства, Энакин. Что ты чувствовал?"

И снова ему показалось, что выразить эти чувства так же сложно, как и раньше. Он скрипнул зубами от досады.

"Воодушевление, наверное. Облегчение. Счастлив... пока не узнал, что мама не сможет поехать со мной".

"Что ты чувствовал тогда?"

Он нахмурился. Что он чувствовал в тот момент? "Расстроенным, наверное".

"Наверное?"

"Почему они смогли освободить меня, а маму - нет?" Он почувствовал, что его разочарование растет, и сжал кулаки.

"Но ты ведь знаешь, почему?"

И обида утихла, потому что Квай-Гон действительно пытался освободить его мать, так что вражда, которую он испытывал к ней, была неоправданной. "Да. Я... был расстроен. Даже злым". В первый раз он даже затаил искру горечи по отношению к Квай-Гону за то, что тот не смог освободить их обоих.

"Но мама сказала мне быть храбрым и не оглядываться назад".

"Похоже, она невероятная женщина".

Энакин кивнул, его губы растянулись в маленькую, тоскливую улыбку. "Да. Она такая и есть". Как же приятно было сказать это в настоящем времени!

"Как вы сейчас относитесь к тем событиям?"

Джедай нахмурился, услышав этот вопрос. Что он чувствовал по поводу случившегося? Раздражен? Возможно, немного. Огорчен? Не особенно. Злым? Нет, уже нет. Он все еще беспокоился за мать, все еще был расстроен тем, что матери пришлось остаться на Татуине в качестве рабыни, но что касается всего остального...

Он пожал плечами. "Это в прошлом. Я никогда не забуду, что это случилось, но я больше не расстраиваюсь по этому поводу. По крайней мере, я так не думаю".

<http://tl.rulate.ru/book/102416/3538265>